

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Дэвидом Вудраффом: «Финансовый рынок правит через панику»

ВУДРАФФ Дэвид (Woodruff, David M.) — профессор в области сравнительной политологии Лондонской школы экономики и политических наук. Адрес: Великобритания, WC2A 2AE, г. Лондон, ул. Хагтон-стрит.

Email: D.Woodruff@lse.ac.uk

Интервью с Дэвидом Вудраффом, профессором в области сравнительной политологии Лондонской школы экономики и политических наук (London School of Economics and Political Sciences), состоялось в рамках работы Летней школы «Власть, рынки и институты: сравнительный опыт России и Германии» (Volkswagen Summer School «Governance, Markets and Institutions: Russia and Germany Compared»), которую проводили Свободный университет Берлина и Фонд Фольксвагена.

Дэвид Вудрафф рассказывает об истоках своего интереса к работе Карла Поланьи «Великая трансформация» и о применении идей Поланьи к экономическим преобразованиям в России в 1990-х гг. и современному кризису в еврозоне. По его мнению, работа Поланьи приобретает сегодня всё большую актуальность, поскольку в ней анализируются причины неолиберального подхода к функционированию рынка и попыткам государства оградить рынки от действий политических процессов.

В книге «Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism» («Несделанные деньги: бартер и судьба капитализма в России») [Woodruff 2000a] Вудрафф рассматривает бартер и систему взаимозачётов в России до девальвации 1998 г. как разновидность защитной реакции общества на попытки внедрения рыночного либерализма, описанной Поланьи, аналогично смягчающей действие ценовых механизмов. Ещё одна идея Поланьи, на которую указывает Вудрафф, — использование золотого стандарта для укрепления политического влияния банкиров и финансистов через создание возможности паники на финансовых рынках.

Д. Вудрафф также обращается к термину «ордолиберализм» для описания специфической формы либеральной политики. Ордолиберализм предполагает, что государство необходимо для функционирования рынка, но должно подчиняться строго очерченным правилам. Негибкость этих правил в лице рыночной паники способствует её превращению в орудие политического влияния. В заключение же Вудрафф заметил, что исследование истории ордолиберализма может дать представление о том, почему одни страны процветают, а другие нет, и как различные этические взгляды пересекаются с экономической доктриной того или иного государства.

Ключевые слова: Карл Поланьи; либерализм; рынок; золотой стандарт; дефляция; ордолиберализм.

— *Расскажите, пожалуйста, о своём профессиональном бэкграунде и о своих исследовательских интересах.*

— Хорошо. Я — политолог. Окончил Гарвардский университет в 1989 г. Мои университетские годы пришлось как раз на эпоху перестройки. Очень многие тогда заинтересовались Россией, Советским Союзом. Я же был ещё весьма далёк от экономики. Во время же учёбы в университете у меня создалось впечатление, будто американские экономисты занимаются советской экономикой лишь для того, чтобы доказывать, что рынок — это очень хорошо, а отсутствие рынка — ужасно. Иначе говоря, изучение советской экономики — так, по крайней мере, казалось мне тогда — использовалось как орудие идеологической борьбы внутри Америки. Потом я понял, что это чушь и на самом деле было очень много интересных экономистов, занимавшихся советской экономикой. Мне очень жаль сейчас, что тогда я не исследовал пристально экономику Советского Союза, потому что это было очень интересное время.

Я окончил университет в 1989 г. и провёл потом год в Москве. За это время я якобы должен был написать какую-то научную работу, но ни у кого не было чёткого представления о том, какой должна быть тема работы, а тем более — по поводу её содержания; ни у меня, ни у моего научного руководителя. Некоторое время поэтому я ничего не делал, а потом стал заниматься журналистской деятельностью. Вначале работал переводчиком для пресс-агентства, потом — журналистом. Другим журналистам агентства не нравилось освещать всякие конгрессы, съезды коммунистических партий, а для меня это был очень интересный опыт.

— *Уточню: в каком университете Вы были в Москве?*

— Я был прикреплен к Московскому государственному университету (факультет журналистики). Чтобы провести год в России, я отложил аспирантуру в Бёркли¹, куда поступил ещё до отъезда. Но потом вернулся туда и стал заниматься политологией. В Гарварде я немного занимался политологией, однако в основном — русским языком и историей Советского Союза. По идее, моя степень (славянские языки и литература — *Slavic Languages and Literature*) предполагала, что я буду заниматься четырьмя областями — языком, историей, литературой и политологией. Уже в аспирантуре факультета политологии меня заинтересовали политэкономия и происхождение рынка, институты, без которых рынок невозможен. Я заинтересовался работой Карла Полянши, который до сих пор является для меня кумиром и точкой отсчёта почти всей научной деятельности. В связи с этим я решил писать диссертацию по экономическому преобразованию в России.

Всё сложилось очень удачно, поскольку в моей аспирантуре, как во многих аспирантурах Соединённых Штатов, надо было сдать так называемый *comprehensive exam* — кандидатский экзамен по различным областям политологии. Два года углублённо изучаешь политологию, потом сдаёшь этот письменный экзамен. Мой экзамен пришёлся на январь 1992 г. Случись это годом-двумя раньше, я мог бы начать диссертацию о реформах в комсомоле или о преобразовании национальных отношений внутри Советского Союза, однако как раз в начале 1992 г. стало понятно, что реальность изменилась, нужны уже абсолютно новые сюжеты и темы. Я стал изучать экономические преобразования и через некоторое время пришёл к выводу, что необходимо анализировать то, что происходит с деньгами, поскольку в 1992 г. в России с ними творилось то, многое из чего было не всегда понятно внешнему миру. Люди просто не могли осмыслить случившееся. Была не только инфляция (это было более-менее понятно), но и другие проблемы — неплатежи, нехватка наличности в банках. Всё это казалось абсолютно загадочным внешним наблюдателям. И я решил этим заниматься. В 1993–1994 гг. я работал в России.

¹ Калифорнийский университет в Бёркли, США (The University of California, Berkeley). — Здесь и далее — *примеч. интервьюера.*

К тому времени ещё одна тема стала важной — бартер, взаимозачёты. В конце концов моя диссертация была посвящена именно этим темам.

Диссертацию я закончил в 1996 г., побывал ещё раз в Москве летом того же года, но тогда разговаривать с людьми было уже сложно. В начале 1990-х люди, особенно в провинции, очень охотно шли на контакт с иностранцами, потому что мы были большой экзотикой. А в середине 1996 г., когда я пытался разговаривать с чиновниками о займах и взаимозачётах, никто уже не хотел со мной говорить, поскольку тема стала важной и спорной в переговорах с Международным валютным фондом.

Итог диссертации — книга «Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism» («Несделанные деньги: бартер и судьба капитализма в России») [Woodruff 2000a]), которую я закончил как раз в августе 1998 г. Тогда я ещё не знал, что эпоха бартера и зачётов, о которой я писал, окажется столь короткой и уже подходит к концу. Девальвация 1998 г. и последовавший за ней всплеск инфляции быстро устранили причины бартера и дестабилизации экономики...

Таков первый этап моей научной карьеры. В связи с этим я хотел бы поговорить о Поланьи. Он доказывал, что попытки рыночной либерализации, если понимать рынок в том чистом виде, в каком его понимали теоретики начала XIX века (например, Давид Рикардо или Джозеф Таунсенд), всегда наталкиваются на сопротивление. Цены могут колебаться постоянно и в любых пределах, и никакое общество не способно терпеть последствия такой ценовой вариации. Идея Поланьи (его гипотеза, если можно так сказать) была в том, что применение принципов чистого рыночного либерализма всегда будет наталкиваться на сопротивление, защитные действия со стороны общества. Это сопротивление будет направлено на смягчение действий рыночного механизма, будет ставить заслоны для работы ценового механизма, в частности. Я доказывал в книге, что бартер и взаимозачёты являются именно такими защитными реакциями. Происходившее в той части 1990-х гг. можно рассматривать в рамках теории Поланьи: это была попытка провести рыночный либерализм, натолкнувшаяся на сопротивление. Сопротивление рынку, его институциональная форма и политическая, имело свою специфику, что было связано с тем, как была устроена экономика конкретно в России. Грубо говоря, в этом и заключался смысл моей книги.

— *В чём тогда критика капитализма Поланьи отличается от любой другой критики капитализма и, вообще, от критики неолиберализма как такового?*

— Неолиберализм можно критиковать с разных точек зрения. Можно, допустим, критиковать с марксистской точки зрения и говорить, что это новое проявление классовой борьбы, новый способ выкачивать надбавочную стоимость из рабочего класса. Марксисты — по крайней мере, классические марксисты — достаточно мало интересуются институтами рыночной экономики. Для них это всё — надстройка. Суть всех событий в базисе и экономических процессах. А институты — это просто орудие классовой борьбы, они не существенны сами по себе. В первую очередь нужно понимать классовую борьбу, а вот институты — это вторично.

Поланьи как раз доказывает, что рынок вообще невозможен без институтов, то есть рыночный либерализм, или неолиберализм, предполагает наличие сильного государства, денег и государственного контроля за денежной массой. Так что Поланьи обращает наше внимание на работу институтов в рыночной экономике и говорит о том, как они могут привести к пагубным последствиям, если не управлять ими правильно. По крайней мере, к концу своей жизни он не ратовал за то, чтобы полностью отменить рынки. А ратовал за то, чтобы мы осознали: рынок — это институциональный механизм, который мы сами создаём исходя из поставленных целей.

— Вы имеете в виду категории «перераспределение» и «реципрокность»?

— Упомянутые Вами перераспределение и реципрокность — это социологические категории, указывающие, что могут быть различные варианты перераспределения. Поланьи же говорил о том, что рынки нужно строить по-разному. Даже если распределение осуществляется через рынок, это не значит, что оно всегда имеет одну и ту же форму.

— Почему, на Ваш взгляд, и сегодня, и последние пару десятилетий само прочтение Поланьи приобретает новые смыслы? Почему к его трудам снова обращаются?

— Это связано с тенденциями ведения мирового хозяйства, с тенденциями в экономической мысли и темой неолиберализма, о которой Вы упомянули. На самом деле, я всё больше думаю о том, что термин «неолиберализм» мы вообще не можем использовать. Может быть, стоит говорить просто «либерализм». С самого начала либерализм предполагал защиту рынков от влияния политических процессов. Поланьи очень умело анализирует это и пишет о попытках оградить рынок и его якобы автоматический механизм от действий политиков и представителей рабочего класса. В начале 1980-х гг. эта стратегия ограждения, при которой были построены всякие заслоны политическому влиянию на рыночную организацию, укрепилась, возобновилась, расширялась. Это и есть то, что мы называем неолиберализмом. Для меня суть неолиберализма как раз в том, чтобы сделать рынок как бы частью конституционного строя, оградив его таким образом от политического влияния государства. Поскольку Поланьи анализирует причины и последствия такого подхода, он стал жутко актуальным.

— Есть, например, ещё такой сюжет: Поланьи рассматривает развитие ситуации и говорит, что развитие рыночной экономики и рыночного общества (*market society*) может привести к полнейшей катастрофе при дальнейшей маркетизации и дегуманизации человеческих ценностей. Подобные суждения носят достаточно ценностно-нормативный характер. Что Вы по поводу этого думаете?

— Я согласен. Поланьи был умеренным социалистом, его жена была коммунисткой, и они очень долго спорили — до 1956 г.²: в это время она написала, что после 1956 г. у них наступил мир в отношениях, потому что они сошлись в своих точках зрения. Но, кроме того, что Поланьи был умеренным социалистом, он также был аналитиком. Можно использовать его теорию, даже не разделяя его ценности. Лично я разделяю его ценности, но могу представить его доводы без отсылки к моральным аспектам. Допустим, он не только критикует саму маркетизацию, но и анализирует процесс, к которому маркетизация ведёт. Очень важен анализ процессов, следующих за введением золотого стандарта. В данный момент больше всего меня интересует его анализ политики, политических баталий вокруг золотого стандарта, которые происходили между войнами, в 1920–1930-х гг. Поланьи доказывал, что многие страны оказались в те годы в патовой ситуации, когда столкнулись две разные позиции.

С одной стороны, существовал золотой стандарт, и он предполагал, что все валюты имеют фиксированный курс по отношению друг к другу. Это значит, что если в одной стране товары неконкурентоспособны, единственная возможность сделать их конкурентоспособными — снизить их цену в номинальном выражении. Допустим, человек сейчас зарабатывает пять фунтов в день; он должен зарабатывать четыре фунта в день для того, чтобы английские товары стали конкурентоспособными. Есть другая возможность, когда нет фиксированного курса, — это просто девальвация: нужно изменить ценность фунта, и тогда все цены становятся конкурентными. Поланьи, как и многие другие экономисты, понимал, что номинальное снижение цен (номинальное снижение заработка, в частности) — очень болезненный, почти невозможный процесс. Допустим, фирма подписывает контракт, фиксирующий стои-

² Спор затих в связи с XX съездом КПСС и докладом Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях».

мость всего, что следует покупать для производства. Если цены на конечную продукцию снижаются, то как тогда покрывать расходы, как оплачивать долги, которые были при предыдущем уровне цен? Дефляция — очень болезненный, почти невозможный процесс. Он всегда будет наталкиваться на сопротивление, осознанное или неосознанное, стихийное или организованное. Дефляцию очень сложно организовать, но без неё золотой стандарт не работает. Одна тенденция такова: золотой стандарт как бы предполагает дефляцию, но дефляция не осуществляется либо осуществляется болезненно и в недостаточных размерах.

С другой стороны, если золотой стандарт предполагает дефляцию, но она не происходит, то зачем нужен этот золотой стандарт? Может быть, убрать его? И это очень интересный момент в теории Поланьи, хотя, на мой взгляд, люди мало обращали на него внимания, ведь в «Великой трансформации» он говорит об этом очень бегло. Я читал последнее время его публикации — как журналиста³ — 1930-х гг.⁴; в них он развивает эту мысль более подробно, и её можно лучше понять. Поланьи говорит, зачем и для кого важен золотой стандарт. Он важен для банкиров и финансистов, потому что при наличии золотого стандарта постоянно существует возможность паники на валютном рынке. Если предполагается, что сегодня фунт прикреплен к определённой массе золота, а завтра этого может не быть, то все будут бояться брать фунты, то есть вероятна паника. Кто может знать, будет паника или нет? Банкиры и финансисты. И они способны использовать это знание о предполагаемой реакции рынка, о предполагаемой панике как орудие политического влияния. Поланьи говорит: «The financial market governs by panic» — «Финансовый рынок управляет через панику» [Woodruff 2014: 3].

— Именно паника или имеется в виду неопределённость?

— Именно паника, вероятность паники. Если правительство будет предпринимать какие-то шаги, будет паника на рынках, поэтому правительство должно действовать так, как мы, банкиры и финансисты, хотим, а не как хотят, допустим, рабочие, люди, получающие жалованье, которых, вообще, не надо слушать. Складывается патовая ситуация: с одной стороны, дефляция не происходит, с другой — страны не уходят от золотого стандарта, потому что он является важным рычагом политического влияния для финансистов и банкиров.

С одной стороны, есть защитные контрдвижения (знаменитый тезис Поланьи о двойном движении — *double movement*). С другой стороны, это защитное контрдвижение наталкивается на то, что политический базис золотого стандарта и желание сохранить вероятность паники как орудия политического влияния защищают золотой стандарт. И тут возникают три возможности. Одна из них такова: золотой стандарт всё-таки отменяют. Так случилось в Соединённых Штатах, когда Ф. Рузвельт проигнорировал желание банкиров и просто сказал, что золотого стандарта больше не будет. Фактически он действовал под влиянием достаточно своеобразных экономических теорий, которые, может быть, сами по себе были не очень правильными, но зато с пользой наталкивали его на мысль об уходе от золотого стандарта.

Вторую возможность Поланьи называет «социальная катастрофа континентального типа» (*a social catastrophe of the Continental type*). Он имеет в виду Германию, которая очень долго не уходила от золотого стандарта, старалась снижать цены, развивать дефляцию. Всё это можно делать только при помощи авторитарных методов, приводящих к фашизму. Придя к власти, фашисты переориентировались на другую экономическую политику. Не стоит думать, что Гитлер был нужен, чтобы организовать

³ В начале своей карьеры К. Поланьи работал как журналист для экономического и политического издания «Der Österreichische Volkswirt».

⁴ См.: [Polanyi 2002]. В это издание включены ранние работы К. Поланьи, о которых говорит Д. Вудрафф.

дефляцию, но, с точки зрения Поланьи, дефляция, предшествовавшая приходу к власти Гитлера, и политический авторитаризм, с помощью которого ещё до этого пытались достичь дефляционных целей, ослабили возможность общества сопротивляться фашизму.

Третья возможность — это то, что было в Англии и других странах. Сначала представители рабочих партий, представители рабочего класса отстраняются от власти, практически уходят с политической арены. После этого, с точки зрения Поланьи, банкирам и финансистам уже нечего бояться, им уже не нужно сохранять панику в качестве орудия политического влияния. Тогда они уходят от золотого стандарта, но уже отодвинув рабочий класс на второй план. Это и есть патовая ситуация, о которой я упомянул; и она может разрешаться тремя разными способами. Анализ Поланьи того, как защитные контрдвижения наталкиваются на сопротивление именно из-за желания использовать панику как орудие власти, — это ключ к тому тексту, о котором Вы говорили [Woodruff 2014].

— *Расскажите, пожалуйста, о своём докладе⁵. Вы обращаетесь к термину «ордолиберализм», используемому по отношению к немецкой политике. Правильно ли я понимаю, что термин возник в середине 1950-х гг., а сама политика — значительно позже?*

— Хорошо. Но для начала нужно сделать короткое отступление, потому что в докладе весь анализ Поланьи я применяю и к современным европейским событиям. Евро очень похож на золотой стандарт. Такие страны, допустим, как Греция, Италия и т. д., не могут девальвировать свои валюты, чтобы восстанавливать конкурентоспособность. При низкой общеевропейской инфляции единственная возможность для отдельной страны сделать цены конкурентными — это дефляция. Но, как мы уже говорили, дефляция — это сложно.

Однако дело в том, что евро — не золотая валюта. Европейский центральный банк (ЕЦБ) может печатать больше евро. Необязательно проводить дефляционную политику, можно провести и другую. Почему не проводится другая политика, не печатается больше денег, не стараются достичь более весомого процента инфляции в среднем по Европе с тем, чтобы отдельным странам было легче адаптироваться? Потому, в частности, что вероятность паники всё ещё являются орудием политического влияния. Сейчас этот рычаг используют сторонники фискальной экономии (*austerity*). И они мешают Европейскому центральному банку помогать на рынках, если не проводится политика фискальной экономии.

Вот коротко то, о чём я хотел сказать. А теперь я могу ответить на Ваши вопросы об ордолиберализме.

Действительно, это старое понятие. Термин возник в 1950-е гг., но его корни уходят в идеи Фрайбургской экономической школы, в 1930-е гг. В данном контексте важно, что у сторонников ордолиберализма есть определённый подход к вопросу о том, каким образом можно оградить рынок от политического вмешательства. Они понимают, что обойтись без государственного вмешательства невозможно, но не хотят, чтобы государство могло действовать по своему усмотрению. Они хотят оградить рынок от государства, в то же время осознавая, что государство необходимо, поэтому стараются подчинить его жёстким правилам. Сторонники ордолиберализма считают, что государство или же Евросоюз всегда должны действовать по строго очерченным правилам. Тот факт, что правила подобного рода распространяются и на Европейское сообщество, и на Европейский центральный банк, создаёт возможности использования паники в качестве рычага политического влияния. Это достаточно сложный механизм. Попробую перечислить все шаги.

⁵ См. лекцию Д. Вудраффа «“Великая трансформация” Карла Поланьи и современный кризис в еврозоне», прочитанную в Европейском университете в Санкт-Петербурге 18 марта 2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k3GUiUy1V7k>

Предположим, ЕЦБ понимает, что на рынке наступает паника, и собирается её погасить денежной «инъекцией». При этом и ЕЦБ, и немецкому правительству хотелось бы, чтобы страны, в которых эта паника наступает, изменили свою политику, встали на рельсы фискальной экономии, то есть они говорят: «Не будете применять ту политику, которую мы хотим, отдадим вас на растерзание рынка». Насколько убедительна такая угроза? В наше время — не очень, поскольку люди понимают, что для паники нет веских причин. Это не более убедительно, чем грозить ребёнку не праздновать его день рождения, если он будет плохо себя вести. Однако есть те, кто говорит, что всегда следует действовать по правилам: пусть весь мир погибнет, но мы будем действовать по правилам, поскольку это основа нашей идеи о правовом государстве. Подобные угрозы уже более убедительны. Перспектива, что кто-то позволит погибнуть миру, более пугающая. И в этом заключается значение ордолиберализма в конкретных обстоятельствах кризиса еврозоны. Влияние приверженцев ордолиберализма, обычно немецких, превращает угрозу ЕЦБ отдать государства еврозоны на растерзание долговых рынков из пустой в убедительную. И поэтому государства подчинились требованиям ЕЦБ по части фискальной экономии, структурных реформ.

Таким образом, хотя ордолиберализм существовал давно, его звёздный час настал сейчас. Если рассмотреть упоминания ордолиберализма хронологически по годам, то получается кривая, резко идущая вверх с началом европейского кризиса. Звёздный час ордолиберализма наступил потому, что он позволяет превратить ЕЦБ в орудие политического влияния. Надеюсь, я достаточно понятно объяснил.

— *Представление получено. А что можно сказать с этой точки зрения о других резервных валютах? Они работают по такому же принципу или нет?*

— В США и в Англии ситуация немного другая. Однако и в зоне евро, и в Америке, и в Англии есть схожие моменты: везде слишком «много» фискальной экономии. И всюду это компенсируется какими-либо активными действиями ЦБ. Центральный банк печатает больше денег, старается стимулировать экономику, увеличить эмиссию. Особенность еврозоны в том, что ЕЦБ сам является организатором фискального курса, эффекты которого он компенсирует своей мягкой денежной политикой. А в Англии, допустим, консерваторы, захотев провести политику фискальной экономии, специально отыскивали центрального банкира, который будет действовать мягко: привезли его из Канады. Впервые в истории у Англии глава ЦБ — не англичанин. Нужного специалиста по денежной политике отыскивали в Канаде.

В США иная ситуация... Там другая политическая ситуация, и нынешний глава ЦБ, и предыдущие были бы рады видеть большую стимуляцию со стороны правительства. Именно в способности ЕЦБ самостоятельно регулировать фискальный курс и заключается особенность еврозоны.

— *Что в связи с этим можно сказать о ситуации в России и текущем кризисе? Он же, безусловно, связан и с политическими влияниями, и с финансовой ситуацией?*

— К сожалению, я стал всё меньше и меньше внимания обращать на Россию и почти не слежу за текущей политико-экономической ситуацией здесь. Но в России нет фиксированного курса. Рубль мог упасть на половину и без больших потрясений, скажем так. Это было неприятно покупателям, но вместе с тем и не было 1998 г. Тогда был почти фиксированный курс и была попытка управления паникой летом 1998 г. Ту роль, которую сейчас играет, скажем, ЕЦБ, тогда играл Международный валютный фонд (МВФ), который заявил, что видит наличие паники и валюта рухнет, если Фонд не будет давать России деньги. А для того чтобы получить деньги, нужно выполнить определённые условия. Россия согласилась, но всё равно денег было недостаточно. Так что к 1998 г. можно отнести анализ попыток управления паникой. Я, кстати, написал об этой ситуации статью [Woodruff 2000b], но тогда ещё не понимал значимость доводов Поланьи по этому поводу. Что касается нынешней ситуации в России, то нужны и совсем другой анализ, и иные теоретические подходы.

— *Расскажите о своих грядущих планах. Не собираетесь ли Вы написать ещё одну книгу?*

— Я хочу написать книгу про историю еврозоны, развивая темы, затронутые в той статье [Woodruff2014], которую мы обсуждали. Также меня очень интересует вопрос о том, каким образом вопросы этики, конкретные формы этики, именно этические взгляды, нормативные взгляды влияют на то, почему одни страны процветают, а другие нет. Как эти взгляды пересекаются с экономической доктриной.

— *И это снова Поланьи, и снова культурный панцирь?*

— Да, но Поланьи не исследовал вопрос о том, почему такое происходит. У Вебера есть хорошее высказывание: «Good fortune wants to be “legitimate” good fortune» — «Счастье стремится быть “законным”»⁶. Это очень мощная человеческая тенденция. Каким образом она отражается на экономической доктрине, искажая экономическую политику? Это уже другая тема, об этом я буду писать в своей следующей книге, это то, чем я буду сейчас заниматься. В частности, я собираюсь исследовать историю ордолиберализма, потому что мне кажется, что это то место, где эти вопросы очень тесно переплетаются.

**Беседовала Елена Гудова
Берлин, 7 октября 2015 г.**

Литература

Вебер М. 1994. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист.

Рикардо Д. 2007. *Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное*. М.: Эксмо.

Polanyi K. 2002. *Chronik der Grossen Transformation: Artikel und Aufsätze (1920–1945)*, 3 vols. (eds. M. Cangiani, C. Thomasberger). Marburg: Metropolis.

Woodruff D. 2000a. *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*. Ithaca; London: Cornell University Press.

Woodruff D. 2000b. Rules for Followers: Institutional Theory and the New Politics of Economic Backwardness in Russia. *Politics & Society*. 28 (4): 437–482.

Woodruff D. 2014. *Governing by Panic: The Politics of the Eurozone Crisis*. LSE «European Question» Discussion Paper Series. 81. URL: <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper81.pdf>

⁶ См. у М. Вебера: «Счастливым человеком редко довольствуется самым фактом обладания счастьем. Он хочет, помимо этого, иметь также право на это счастье, хочет быть убежден в том, что он его “заслуживает”, прежде всего по сравнению с другими, хочет верить, что менее удачливый, лишённый счастья, получил по заслугам. Счастье стремится быть “законным”» [Вебер 1994: 47].

INTERVIEWS

Interview with David Woodruff: “Financial Market Governs by Panic”

WOODRUFF, David —
Associate Professor, London
School of Economics and
Political Science. Address:
Houghton Street, London
WC2A 2AE, United Kingdom.

Email: D.Woodruff@lse.ac.uk

Interviewed by Elena Gudova

Abstract

David Woodruff, associate professor of Comparative Politics at the London School of Economics and Political Science, was interviewed at the Volkswagen Summer School “Governance, Markets, and Institutions: Russia and Germany Compared,” which took place at the Free University Berlin, September 26–October 10, 2015. As a guest lecturer, Woodruff gave a presentation, “Eurozone Governance and Global Financial Stability.” The interview was prepared by Elena Gudova, a PhD student and teacher at the Higher School of Economics.

David Woodruff explains the origins of his interest in Karl Polanyi’s famous work *The Great Transformation* and how he applies Polanyi’s ideas to the 1990s economic reforms in Russia and the current crisis in the Eurozone. According to Prof. Woodruff, Polanyi’s work is becoming increasingly important today because it analyzes the foundations of the neoliberal market approach and government attempts to shield markets from political processes.

In his book *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism* [Woodruff 2000a], Woodruff discusses barter and debt offsets in Russia before the devaluation of 1998 as a defensive reaction of society to attempts to introduce market liberalism of the sort Polanyi analyzed, employing analogous means of mitigating the price mechanism. Another of Polanyi’s ideas that Woodruff highlights is the way the gold standard strengthened the political influence of bankers and financiers by creating the possibility for panic on the financial markets.

Woodruff also refers to the term “ordoliberalism” to describe a specific form of liberal policies. Ordoliberalism argues that the state is necessary for market functioning but that its actions must conform to strict and sharply defined rules. The potential inflexibility of these rules, even in the face of market panic, helps to make the prospect of panic an important tool of political influence. In conclusion, Woodruff also notes that the study of ordoliberalism’s history could give us some understanding as to why some countries prosper while others do not, and how different ethical issues overlap with the economic doctrines of distinct states.

Keywords: Karl Polanyi; liberalism; market; gold standard; deflation; ordoliberalism.

References

- Polanyi K. (2002). *Chronik der Grossen Transformation: Artikel und Aufsätze (1920–1945)*, 3 vols. [Chronics of the Great Transformation: Articles and Papers (1920–1945)] (eds. M. Cangiani, C. Thomasberger), Marburg: Metropolis (in German).
- Ricardo D. (2007) *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogooblozheniya. Izbrannoe* [Foundations of Political Economy and Tazation. Selected], Moscow: EKSMO (in Russian).
- Weber M. (1994) *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected. The Image of the Society], Moscow: Yurist (in Russian).

Woodruff D. (2000a) *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*, Ithaca; London: Cornell University Press.

Woodruff D. (2000b) Rules for Followers: Institutional Theory and the New Politics of Economic Backwardness in Russia. *Politics & Society*, vol. 28, no 4, pp. 437–482.

Woodruff D. (2014) Governing by Panic: The Politics of the Eurozone Crisis. LSE “Europe in Question” Discussion Paper Series. 81. Available at: <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper81.pdf> (accessed 16 December 2015).

Received: November 11, 2015.

Citation: Interv’yu s David Woodruff: “Finansovyy rynek pravit cherez paniku” [Interview with David Woodruff: “Financial Market Governs by Panic”]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 11–20. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2.html> (in Russian)